

тэксты рускіх, польскіх, славенскіх і інш. аўтараў. У адрозненне ад літоўскай літаратуры, дзе А. Разанаў звяртаў увагу і на паэзію, і на прозу, і на драматургію, са славянскіх моў перакладаліся вершы, прычым як рыфмаваныя, так і верлібры. Заўважым таксама, што пісьменнік быў знаёмы з большай колькасцю славянскіх моў, чым адлюстравана ў перакладах. Так, пры ўзнаўленні хайку М. Басё паэт выкарыстаў даслоўнікі па-ўкраінску. Сярод дакументаў, што захоўваюцца ў Сялецкай сельскай бібліятэцы на малой радзіме пісьменніка, маецца ліст да А. Разанава з нагоды публікацыі ягоных вершаў. У 2017 г. аўтар стварыў цыкл арыгінальных тэкстаў “Serbske pamakanki” на верхнялужыцкай мове. У апошнія гады як ранейшыя, так і новыя пераклады, выкананыя А. Разанавым, выходзяць найперш у кніжнай серыі “Паэты планеты” (напрыклад, зборнік С. Косавела “Выбраныя вершы”, 2019).

Спіс літаратуры

1 Дакукін, А. Д. Алесь Разанаў як перакладчык з балгарскай і сербскахарвацкай моў / А. Д. Дакукін // Актуальныя праблемы філалогіі : зборнік навуковых статей. / ред. кол.: Е. Л. Хазанова (гл. ред.) [і др.] ; Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны. – Гомель, 2024. – Вып. 17. – С. 11–17.

2 Дакукін, А. Д. Творчасць македонскага паэта М. Рэнджава ў перакладах А. Разанава / А. Д. Дакукін // Мова і культура: традыцыі і сучаснасць : да 100-годдзя з дня нараджэння прафесара У. В. Анічэнкі : зборнік навуковых артыкулаў / Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны, Навукова-даследчы інстытут гісторыі і культуры ўсходнеславянскіх народаў пры ГДУ імя Ф. Скарыны ; рэдкал. : А. М. Воінава (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2024. – С. 33–36.

3 Разанаў, А. Срэчка Косавел / А. Разанаў // Крыніца. – 1996. – №19 (3). – С. 49–55.

4 Разанаў, А. Ёжэ Удовіч / А. Разанаў // Крыніца. – 1997. – №29 (3). – С. 39–50.

5 Лойка, А. Казімеж Свягоцкі / А. Лойка, А. Разанаў // Крыніца. – 1998. – № 7 (44). – С. 88–96.

6 Гарэлік, Л. М. Разанаў Алесь / Л. М. Гарэлік // Беларускія пісьменнікі: біябібліяграфічны слоўнік : у 6 т. Інстытут літаратуры імя Я. Купалы Акадэміі навук Рэспублікі Беларусь, Беларуская энцыклапедыя ; гал. рэд. Б. І. Сачанка. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, Т. 5: Пестрак – Сяўрук / 1995. – С. 126–129.

УДК 821.161.3-32:003.071

М. С. ЗАХАРОВА

(г. Гомель, ГГУ імя Ф. Скарыны)

МАРКИРОВАННОСТЬ ЭПИГРАФОВ В БЕЛОРУССКОЙ МАЛОЙ ПРОЗЕ

Настоящая статья посвящена вопросам изучения эпиграфа художественного текста. В статье дается определение понятия «маркированность эпиграфа» и проводится классификация типов отсылок, сопровождающих эпиграфы и указывающих на источники их цитирования в рассказах белорусских писателей XIX–XXI в.в.

Эпиграф традиционно определяется как «короткий текст, помещаемый автором произведения перед текстом сочинения или его частью и представляющий собой цитату из какого-либо авторитетного для него источника – произведения художественной литературы, народного творчества, изречений» [1, с. 511].

Эпиграф относится к факультативным (не обязательным) элементам художественного произведения. Именно его факультативный характер, возможно, объясняет тот факт, что

художественный эпиграф не так часто попадает в поле зрения отечественных исследователей, не говоря о сопровождающих эпиграф отсылках, которые никогда до настоящего времени не становились самостоятельным предметом изучения.

В настоящей статье предпринимается попытка выявления и классификации типов отсылок к эпиграфам в белорусской малой прозе. Материал исследования составляют 69 рассказов белорусских писателей XIX–XXI в. в., отобранных методом сплошной выборки.

Понятие маркированности связано с фактом наличия или отсутствия у эпиграфа отсылки (отсылочного аппарата в терминологии некоторых исследователей), указывающей на источник, из которого происходит заимствование эпиграфа (исходный текст, текст-источник, материнский текст). Соответственно, эпиграфы, сопровождаемые отсылкой к исходному тексту, называются маркированными, а эпиграфы, не имеющие отсылок, носят название немаркированных [2].

На вопрос о том, почему одни авторы снабжают эпиграфы отсылками к источнику цитирования, а другие не предоставляют читателю никакой информации о нем, можно выдвигать только предположения. Являясь «продуктом» индивидуального выбора автора, эпиграф представляет собой уникальное явление, поэтому каждый конкретный случай его употребления требует отдельного рассмотрения.

Проведенное исследование показало, что абсолютное большинство рассмотренных эпиграфов (80,8 %) являются маркированными, то есть имеют отсылку к источнику цитирования. При этом выявленные немаркированные эпиграфы представлены преимущественно так называемыми субтекстовыми эпиграфами, которые предваряют не произведение в целом, а его отдельные главы.

Субтекстовые немаркированные эпиграфы, например, открывают каждую из глав в рассказе М. Горещкого “Прысяга”: “Цесна жыць на свеце!..” [3, с. 103]; “Цяжка вырвацца з ланцугоў цямоты!” [3, с. 107]; “Лепей пакланіцца ды ўцячы...” [3, с. 110].

Существует мнение, что отсутствие указания на источник цитирования в подобных случаях акцентирует внимание читателя на внутритекстовых связях эпиграфа и подчеркивает большую его принадлежность тексту, в котором он используется, чем тексту, из которого он заимствуется. Субтекстовые эпиграфы подтверждают это предположение, поскольку основная их функция в художественном произведении заключается в раскрытии содержания главы, которую они открывают.

Немаркированные текстовые эпиграфы, относящиеся ко всему произведению, в белорусских рассказах практически не представлены. Например, с эпиграфа без отсылки к тексту-источнику начинается рассказ В. Короткевича “Скрыпка дрыгвы й верасовых пустэчаў”: “Вось струнаў спеў, // І смыка напеў, // І – пад ветрам – верасу звон. // І ўсё гэта – мы: // Наша радасць і гнеў, // Наш спрадвечны, халодны агонь. // Ён – спеў вады, // І аблокаў дым, // І скрыпкі ціхі набат // Над верасам тым, // Над каменнем сівым, // Над стрэхамі нашых хат” [4, с. 482].

В отличие от субтекстовых, полагают, что немаркированные текстовые эпиграфы выдвигают на первый план не внутритекстовые, а интертекстуальные характеристики эпиграфа, требуя от читателя дополнительных усилий для опознания текста-источника и соотнесения с ним для раскрытия и понимания как самого эпиграфа, так и его функционального назначения в данном произведении.

Анализ маркированных эпиграфов в белорусской малой прозе позволяет выделить наиболее распространенные типы отсылок, сопровождающих эпиграфы, и провести их классификацию. Самую многочисленную группу составляют маркированные эпиграфы-цитаты с отсылкой, называющей цитируемого автора (45,9 %). Например, в рассказе “Асення лета” Г. Далидович цитирует белорусского поэта А. Сербантовича: “Мы многа пішам пра вайну і боль, // А пра каханне – час ад часу толькі – Анатоль Сербантовіч” [5, с. 274]. Эпиграф-цитата, принадлежащий перу М. Богдановича открывает еще один рассказ Г. Далидовича “Адлюблю за ўсю маладосць”: “Маладыя гады, // Маладыя жадання! – Максім Багдановіч” [5, с. 308].

Вторую по численности группу составляют эпитафы с отсылками, указывающими на текст-источник, из которого данный эпитаф был заимствован (31,3 %). Например, прямое указание на источник цитирования содержит отсылка к рассказу О. Ипатовой “Расанка”, эпитафом к которому выступают строки из “Слова о полку Игореве”: “*На сёмым веку Траянавым кінуў Усяслаў жэрабѣ аб дзяўчыне, яму мілай... – Слова аб палку Ігаравам*” [6, с. 241].

Однако наиболее представлены среди рассмотренных примеров случаи, когда отсылки содержат указание не на источник эпитафования, а на жанр источника (поговорка, миф, песня и др.). Подобный тип отсылок встречается в рассказе З. Бядули “Ашчаслівіла” и Я. Коласа “Зіма”: 1) “*Дылі, дылі дудка // Саламяна будка, // А ў той будцы // Чэрці вядуцца – Народная*” [7, с. 71]; 2) “*Эх ты, зімэнька-зіма! // Непогодная была: // Ні праехаць, ні прайці, // Ні коніка правесці! – 3 народных песень*” [8, с. 248].

Наименее распространенным типом в белорусской малой прозе являются отсылки, называющие одновременно и автора эпитафа, и текст-источник (3,6 %) как, например, в рассказе Б. Петровича “Удол, альбо актава пазнання”: “*Я і душа пад ношаю цяжскою // Ступалі побач, як валы ў ярме... – Дантэ “Боская камедыя” – Чыснец*” [6, с. 482].

Обозначение источника происхождения эпитафа традиционно рассматривается многими исследователями как необходимое условие “корректного” использования данного литературного явления. Однако степень информативности или детальность отсылки определяется самим автором произведения и зависит как от его авторских особенностей использования эпитафа, так и от функционального назначения эпитафа в каждом конкретном случае его употребления. В первом случае отсылка становится носителем так называемой субъективной информации об авторе произведения, предоставляя читателю некоторые факты о его литературных вкусах и предпочтениях, образовании, моральных и этических ценностях, политических взглядах и т. д. Во втором – носителем интертекстуальных характеристик эпитафа или информации о тексте-источнике как необходимом “внешнем контексте”, обращение к которому определяет полноту и глубину понимания как самого эпитафа, так и всего произведения в целом.

Отдельного внимания заслуживают отсылки, содержащие указания на “ложные” источники цитирования эпитафов. Примером подобного использования эпитафа является рассказ Б. Петровича “Піліпікі” отсылка к которому недвусмысленно указывает на вымышленный характер источника происхождения: “*Піліпікі – нізка аповедаў Б. Пятровіча. Назва яе паходзіць ад імя галоўнага героя Піліпа, якога аўтар прымушае рабіць і думаць тое, што звычайна ня рабіць і ня думае звычайны чалавек. Да першай публікацыі “П.” аўтар даў такі каментар: “П.” пісаліся ня жартам, не ўсур’эз і ня дзеля выпендрону. Яны проста пісаліся. А таму не задавайце пытаньня: а навошта яны напісаныя? Ні мне, ні сабе. Бо ўсе, што ніжэй гэтых словаў, ня вартае нават гэтых словаў – 3 нявыдадзенага яшчэ энцыклапедычнага даведніка*” [9, с. 552].

Полагают, что подобные “псевдоэпитафы”, снабженные отсылками к несуществующим текстам-источникам следует трактовать как часть авторской стратегии или как элемент игры автора произведения с читателем, как загадку, которую последнему предстоит разгадать для раскрытия смысла произведения.

Таким образом, проведенный анализ отсылок позволяет заключить, что большинство эпитафов в рассказах белорусских писателей XIX–XXI в. являются маркированными (содержат отсылку к источнику цитирования), при этом наиболее распространены отсылки, называющие автора эпитафа, источник эпитафования или его жанр, а также одновременно указывающие на автора эпитафа и текст-источник. Наличие /отсутствие отсылки и тип отсылки оказываются релевантными условиями, влияющими на понимание как самого эпитафа, так и его роли в художественном произведении. Изучение отсылок к эпитафам позволяет определить и классифицировать группы источников цитирования эпитафов в белорусской малой прозе.

Список литературы

1 Гришунин, А. Л. Эпитаф / А. Л. Гришунин // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. П. А. Николаева, В. М. Кожевникова. – М., 1987. – С. 511.

2 Храмченков, А. Г. Роль эпитафии в семиотической организации англоязычного художественного прозаического текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. Г. Храмченков ; Минск. гос. пед. ин-т ин. яз-в. – Минск, 1983. – 20 с.

3 Гарэцкі, М. Творы / М. Гарэцкі ; пад рэд. У. В. Гніламедава. – Мінск : Маст. літ., 2016. – 932 с.

4 Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1988. – Т. 2. – 511 с.

5 Далідовіч, Г. Міг маладосці : апавяданні, аповесці. / Г. Далідовіч. – Мінск : Маст. літ., 1987. – 439 с.

6 Сучасная беларуская проза: традыцыі і наватарства / рэд.-склад. Ул. Сіўчыкава, М. Тычыны. – Мінск : Сэр.-Віт, 2003. – 704 с.

7 Бядуля, З. Збор твораў : у 5 т. / З. Бядуля. – Мінск : Маст. літ., 1986. – Т. 2. – 351 с.

8 Колас, Я. Збор твораў : у 14 т. / Я. Колас. – Мінск : Маст. літ., 1973. – Т. 4 : Апавяданні 1906–1917. – 352 с. ; Т. 5 : Апавяданні 1918–1956 г.г. і “Казкі жыцця”. – 640 с.

9 Пятровіч, Б. Шчасьце быць... Трыпціх, аповесці, апавяданьні, мроі / Б. Пятровіч. – Мінск : УП “Тэхнапрынт”, 2004. – 576 с.

УДК 821'243:316.7:316.344.8-057.87

Н. В. КОПЫТКО
(г. Минск, МГЛУ)

РОЛЬ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПОДДЕРЖАНИИ ЦЕЛОСТНОСТИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

В статье анализируются сложные проблемы в поддержании целостности культурной идентичности учащихся и роли в этом процессе иноязычной литературы.

Культурная идентичность обучающихся – это их самовосприятие в контексте этнической принадлежности, национальности, местности, вероисповедания, социального класса, поколения, пола, образования или любой социальной группы, имеющей особую культуру. По мнению Е. Н. Роговой и Л. С. Яницкого, «культурная идентичность связана с культурным опытом, получаемым в течение жизни человека, многообразными культурными влияниями» [1, с. 115]. Поскольку культурная идентичность является динамической категорией, преподавателю следует уделять особое внимание поддержанию ее целостности и преодолению в студенческой среде таких негативных феноменов, как кризис идентичности и маргинализация.

Под кризисом идентичности понимается «конфликт между сложившимися устойчивыми структурами идентичности личности и соответствующим способом интеграции ее в окружающую реальность» [2, с. 86]. Кризис может проявляться в таких состояниях, как «неотчетливость временных перспектив, выбор негативной идентичности, наложение и смешение ролей» [2, с. 86].

Кризис идентичности – это период замешательства и сомнений относительно собственного «я». Он часто возникает в переходные периоды, либо когда человек сталкивается с аспектами своей жизни, которые противоречат взятым на себя ролям. Для людей в возрасте 17–20 лет характерно проявлять повышенный интерес к отношениям, к социализации в целом. По теории психоаналитика Эрика Эриксона, именно в этот возрастной период происходит очередной личностный кризис.

Вместе с тем кризис идентичности создает возможности для личностного роста, которую обязательно нужно использовать. Задача педагогов состоит в том, чтобы помочь студентам распознать в себе потенциал внутренних конфликтов и двигаться по направлению их разрешения и